

П. Б. СТРУВЕ

Miscellanea. Характеристика Ницше как мыслителя и художника

Ницше — великий, но чрезвычайно своеобразный писатель. Это, действительно, «художник и мыслитель», хотя он бесконечно далек от других художников философской мысли. Платон, Спиноза, Гегель, Шопенгауэр являлись художниками, как творцы метафизических систем. В метафизических построениях обнаружилась сила их фантазии, изобразительный талант, пластическая мощь.

Ницше совсем другая фигура: у него не было и по свойствам его психики не могло быть никакой системы. Художником он был не как философ, а независимо от своей философии. Впрочем, была ли у Ницше философия?

Ницше не верил в истину и страстно искал ее. Философ в нем отрицал истину, художник — стремился к ней. «Сверхчеловек» (Ueberschensch) явился для Ницше воплощением истины, которой для философа Ницше, автора «Menschliches, Allzumenschliches», не было и не могло быть.

Сомнение в истине и в известном смысле отрицание истины делает из Ницше одного из самых современных и самых плодотворных философов. В этом скепсисе, опирающемся на глубокое понимание проблем новейшей биологии и на тонкое психологическое, чисто художническое чутье, и заключается философия Ницше, поскольку он был вообще философом. Абсолютный культ силы, аристократический индивидуализм, «сверхчеловечность» представляют у Ницше тот художнический атавизм, о котором он сам метко говорит в своем афоризме «Die Kunst dem Künstler gefährlich»¹ (Menschliches, Allzumenschliches, I, S. 163): «Если искусство охватывает личность, то оно влечет ее назад к воззрениям тех времен, когда искусство процветало

всего полнее: оно действует тогда регрессивно. Художник все больше и больше проникается поклонением внезапным возбуждением, начинает верить в богов и демонов, одушевляет природу, ненавидит науку, становится переменчивым в своих настроениях, как люди древнего мира, и требует ниспровержения всех условий, не благоприятствующих искусству, и притом со страстностью и несправедливостью, свойственными детям. Художник уже сам по себе отсталое существо, потому что он не идет дальше игры, а игра свойственна юности и детству; к этому же присоединяется еще то, что он постепенно преобразуется по типу другого, прошедшего времени. Так, в конце концов возникает сильный антагонизм между художником и одинаковыми с ним по возрасту современниками и наступает печальный конец: по рассказам древних, Гомер и Эсхил на склоне лет жили и умерли в меланхолии».

В этом афоризме есть нечто пророческое. В нем предвосхищен и метко, хотя и жестко, охарактеризован самим Ницше последний период его творчества, когда он «создавал новые ценности» и в этом видел задачу всякой истинной философии, когда он презирал науку, как чистое познание и весь отдавался своему художническому гению. Здесь, наконец, философ-художник предсказал и печальный конец своей умственной жизни: безумие.

Скепсис Ницше не есть ребяческое сомнение того лукиановского² скептика, который, подвергаясь побоям, на вопрос: бьют ли его? — отвечает: *ἀδῆλν* — это еще неясно. Это лишь полный разрыв с *абсолютизмом* мышления, признание исторической условности «истины». Первый афоризм в «*Menschliches, Allzumenschliches*» обнаруживает всю глубину и всю содержательность скепсиса Ницше:

«Все почти философские проблемы выступают теперь в форме тех же вопросов, что две тысячи лет тому назад: как может нечто возникнуть из своей противоположности, напр<имер>, разумное из неразумного, ощущающее из мертвого, логичное из нелогичного, бесстрастное созерцание из похотливого желания, жизнь для других из себялюбия, истина из заблуждения? Метафизическая философия уклонялась от этой трудности, поскольку она просто отрицала происхождение одного из другого и для вещей, оцениваемых более высоко, принимала особое происхождение, непосредственно из самой сущности вещей (*aus dem Ansich der Dinge*). Противоположная философия, самая юная и самая радикальная из всех до сих пор бывших, настоящая философия развития (*Philosophie des Werdens*), кото-

рая, вообще, не верит в сущности и потому отказывает в праве гражданства как понятию “бытие”, так и понятию “явление”, такая антиметафизическая философия сделала для меня в отдельных случаях вероятным (и я предполагаю, что к такому результату она придет во всех случаях), что указанная постановка вопроса неверна, что намеченных ею противоречий вовсе нет, а прежняя философия верила в них, увлекаемая языком и властно предписываемой им полезностью огрубения и упрощения (мысли), словом, что прежде всего необходима химия основных понятий... Чтобы покончить раз навсегда с такими грубыми и четырехугольными противоположениями, как “эгоистичное” и “неэгоистичное”, “похоть” и “духовное стремление”, “живое” и “мертвое”, “истина” и “зablуждение”, необходима микроскопическая психология, а также навык во всякого рода исторически-перспективной оптике, которая до сих пор еще не существовала и даже не была дозволена. Философы, как я их хочу и понимаю, имели до сих пор против себя совесть: моральные, религиозные и эстетические императивы отвергали те методы исследования, которые нужны. Необходимо раньше стать свободным от этих императивов: нужно, вопреки своей совести, самому анатомировать свою совесть... История понятий и метаморфоз понятий под тираническим господством моральных оценок — понимаете ли вы эту задачу? У кого найдется достаточно охоты и смелости пуститься в такие исследования? Теперь, когда апогеем достигнутой человечности является то, что человек по чувству сторонится и противится истории своих первых шагов, что он не хочет видеть всякого рода *rudenda origo*³, разве не нужно быть бесчеловечным, чтобы стремиться видеть, искать и открывать как раз в противоположном направлении?»

Философия Ницше, т. е. действительно ценная в философском отношении доля его творчества, приурочена к определенному периоду его писательской деятельности. Сознательно и последовательно она выступает перед нами преимущественно в «*Menschliches, Allzumenschliches*». Потом он отступился от скепсиса и даже язвительно осмеял его. «Скепсис, — писал он, — есть самое духовное выражение известного, часто встречающегося, физиологического склада, который на обычном языке зовется нервной слабостью и болезненностью». «Скептик, — продолжает язвить Ницше, — даже во сне сомневается в свободе воли». Это говорит тот самый Ницше, который раньше с удивительной силой и тонкостью писал в противоположном смысле:

«Вера в свободу воли есть первоначальное заблуждение всего органического мира, существующее в нем с первых проявлений его логики; вера в безусловные субстанции и в одинаковые вещи — это тоже первоначальное и столь же древнее заблуждение всего органического мира. Поскольку же всякая метафизика преимущественно занималась субстанцией и свободой воли, ее можно охарактеризировать, как науку, которая трактует об основных заблуждениях человека, но так, как будто бы они были основными истинами».

«Разрыв с метафизикой», которым характеризуется истинно философский период умственного творчества Ницше, не был исповеданием «рационализма» или «позитивизма», каким хочет представить этот разрыв Риль⁴. Для позитивизма скепсис Ницше был слишком глубок; слишком глубок был весь Ницше, тонкий художник, проведший свой дух через горнило самой глубокой, мощной и грандиозно красивой философской системы XIX века, шопенгауэровской, Ницше-эллинист, знаток и поклонник классической литературы. Отрицание (в известном смысле) метафизики, с которым выступил в эту эпоху Ницше, было совсем не похоже на позитивизм: оно опиралось на теорию познания, но не только на теорию познания.

Как художник Ницше угадывал психологические корни метафизического творчества. Метафизические системы были для него «красными вымыслами», полными глубокого исторического смысла, законными порождениями развивающегося человеческого духа. «Когда преодолена метафизика, — пишет Ницше (*Menschliches, Allzumenschliches, I, S. 41*), — тогда необходимо понятное движение (*rückläufige Bewegung*): он (человек) должен уразуметь историческую, а также психологическую законность таких (метафизических) представлений, он должен понять, что они сыграли наибольшую роль в развитии человечества и что без такого понятного движения можно лишиться себя лучших приобретений человечества». Здесь в преувеличенной, парадоксальной форме выражена глубокая и верная мысль, бесконечно поднимающаяся над уровнем ходячего позитивизма.

Ницше справедливо думал, что психология является теперь вновь единственным путем ко всем основным проблемам. Скепсис Ницше был, таким образом, не только гносеологическим, но и психологическим. Различные возможные проблемы и решения метафизики он понимал, как порождения различных психологических складов, как выражения различных психологических мотивов. Монизм, дуализм, плюрализм, необходи-

мость, свобода, идеализм, реализм, спиритуализм и материализм, с этой точки зрения, — не противоположения истины и заблуждения, а лишь — различных направлений человеческого духа, комбинирующего, объединяющего и обобщающего нестройный материал представлений и понятий. В основе этих различных направлений лежат различия в познавательной организации, аналогичные различиям в темпераментах.

«Wahrscheinlichkeit, aber keine Wahrheit, Freischeinlichkeit, aber keine Freiheit — diese beiden Fruchte sind es, derentwegen der Baum der Erkenntniss nicht mit dem Baume des Lebens verwechselt werden kann» * — в этом дивном афоризме вскрыт дуализм познания и жизни, теории и практики. Этот дуализм человеческой психики — источник гносеологических противоречий свободы и необходимости.

Я подчеркнул выше, что в Ницше, художник жил независимо от философа. Обратного сказать нельзя. Психологическая прозорливость художника Ницше не пропала даром для философа. После Юма⁵ и Канта скептическое отношение к человеческому познанию вовсе не было новостью. Но в скепсисе Ницше есть, действительно, нечто новое и плодотворное: чрезвычайно смелые и прямо гениальные, хотя и несистематические, попытки психологии познания.

И в той области, в которой Ницше стяжал себе наибольшую известность и в которой он ставил себе чисто практическую задачу, в морали, он велик, между прочим, как психолог. Правда, моралист и художник Ницше — одно лицо. Художник поклоняется тем «новым ценностям», которые создает моралист, а последний руководствуется в своем творчестве чисто эстетической потребностью. Но создание «новых ценностей» или «переоценка старых» — дело последнего периода литературной деятельности Ницше, — недаром было предварено эпохой скепсиса и научного искания. А потому и торжествующий, вновь обретенный идеал, Заратустра — Ницше, несмотря на все свое ослепление этим новым идеалом, высказывает очень много верных и глубоких мыслей о «старых ценностях», о генеалогии, т. е. исторической морали.

Ницше был ненавистником равенства и демократической культуры, и даже более того — ненавистником народной массы, стремящейся к культурному подъему. Его аристократиче-

* Вероятность, не истина; подобие свободы, не свобода — вот плоды древа познания, которые делают невозможным смешение его с древом жизни.

скому индивидуализму претили «слишком многие» (Die Viel zu Vielen). Но в сущности он плохо знал и понимал движущие силы европейской демократии настоящего и будущего. Ему не доставало тут и живых впечатлений, и книжного знания... А тем, кто против равенства и демократии козыряет остроумными афоризмами Ницше, не мешало бы задуматься вот над чем. Ницше, противник равенства и ненавистник пролетариата, с полным знанием предмета охарактеризовал и заклеил буржуазного филистера. Его насмешки над Штраусом 70-х гг. *, воплощением Bildungsphilister'a⁸, прямо попадают в цель. Таким образом, в арсенале Ницше гораздо больше оружия против буржуазии и буржуазного духа, чем против антипода буржуазии. В прославлении силы, которое, несмотря на биологическое обоснование, является у Ницше *романтическим*, — Ницше, в сущности, никогда не переставал быть романтиком в душе — чувствуется сильная антибуржуазная нота...

Есть некоторые точки соприкосновения между Ницше и Марксом, хотя их практические идеалы диаметрально расходятся. Ведь и культ *силы* не только не чужд Марксу, но наоборот — с определенной *реалистической* окраской — составляет необходимую интегральную часть его мировоззрения и его психологии. А затем, как ярко выражается Ницше, гегелевскую идею, унаследованную и конкретно подчеркиваемую Марксом — о прогрессивном значении «злого» начала в истории человечества — «сильнейшие и злейшие люди (Geister) до сих пор всего больше двигали вперед человечество; они постоянно вновь зажигали засыпающие страсти — они постоянно вновь наталкивали людей на сравнение, противоречие, пробуждали стремление к новому, смелому, еще неиспытанному, они вынуждали выставлять мнения против мнений, образцы против образцов... Новое является всегда злым, оно всегда стремится завоевать, опрокинуть старые пограничные знаки и старые окруженные почтением имена; и лишь старое — добро». (Die fröhliche Wissenschaft. 1887. S. 31).

Ницше честный и смелый ум, и, я думаю, прикосновения к нему, приобщения к замечательной радуге его мысли бояться нечего. Сбить с толку он может только очень слабых людей, по своей натуре уже обреченных на декадентское холопство перед ним.

* Unzeitgemässe Betrachtungen.